

80 лет со дня рождения
Владимира Маяковского

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ НА ВЕК А

В этом году в Москве открывается музей-квартира В. В. Маяковского, где впервые будут экспонироваться его записные книжки, документы, рассказывающие о поездке полпреда советской поэзии в США и другие страны. Жилая комната, в которой поэт провел 3000 дней, восстановлена в том виде, какой она была при его жизни. Стол-секретер, книги, удостоверение корреспондента «Комсомольской правды», портрет В. И. Ленина над секретером воссоздают атмосферу творчества В. В. Маяковского. На снимке: В. В. Маяковский. Москва, 1929 год. Фотография сделана А. Тимирязевым. Фото А. Ковтуна.

Фотохроника ТАСС.

В русскую поэзию второго десятилетия XX века он вошел твердым, уверенным шагом поэта-новатора, открывателя новых горизонтов.

В те годы, после тяжкого безвременья, наступившего после поражения первой русской революции, поднималась новая волна революционного рабочего движения. В литературе обозначился глубокий кризис господствовавшей тогда школы поэтов-символистов.

В таких исторических условиях и прозвучал впервые молодой сильный голос Владимира Маяковского, появившегося перед тогдашней публикой в небольшой, но шумной группе поэтической и художественной молодежи, называвшей себя «футуристами».

Первые годы жизни Маяковского в поэзии — это годы бурных и зазорных литературных вечеров и диспутов, на которых будущий великий поэт революции, «эпатурия буржуазии», появлялся в «желтой кофте фата», ставил свою подпись под манифестами, решительно требующими «сбросить классиков с парохода современности», противопоставлявшими словесную бессмыслицу, поэтическую «заумь» всему богатству, накопленному человечеством в литературе и искусстве.

Протест футуристов — первой поэтической школы Маяковского, — задыхавшихся в душливой атмосфере предгрозовых лет, не поднимался выше анархического бунта внутри искусства и столь же анархического отрицания «всего и всех». Формалистский лозунг «самовитого слова» стал

главным направлением поисков футуристов, их борьбы.

Маяковский уже тогда выделялся в среде своих соратников по литературной школе не только как обладатель яркого поэтического таланта, но и как поэт удивительно чуткий к своему времени, предчувствующий великие перемены: «...в терновом венце революции грядет шестнадцатый год», — писал он в те годы застоя и реакции. Уже тогда Маяковский чувствовал себя «предтечей» этого грядущего революционного года. С негодованием писал он в адрес своего кратковременного спутника, певца «ананасов» в шампанском, «эгофутуриста» Игоря Северянина: «Как вы смеете называться поэтом и, сеньский, чирикать, как перепел?»

Разделяя какое-то время нескромные эгоцентристские и анархические заблуждения своих соратников, Маяковский с самого начала существенно отличался от них: гуманист, сердце которого было полно болью за трагическую неустойчивость современного ему общества, уже в юности прикоснувшийся к революционному движению, он нес в своем творчестве зримые знаки своей будущей судьбы — первого поэта Великой Октябрьской социалистической революции.

Когда революция свершилась и ведомый В. И. Лениным и большевистской партией русский рабочий класс взял власть в свои руки, Маяков-

ский без раздумий и колебаний нашел свое место поэта-агитатора, горлана-главаря, поэта-революционера и новатора в общем строю строителей коммунистического общества.

Внутренняя близость Маяковского к революции, его врожденный гуманизм, горячая любовь ко всем угнетенным и обездоленным, ищущим пути к всеобщему человеческому счастью, определили судьбу Маяковского в послеоктябрьские годы.

В середине двадцатых годов, оглядываясь на пройденный им путь, поэт писал в стихотворении «Домой»: «...я с небес поэзии бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без него любви».

Когда вчитываешься в то, что написано Маяковским после Октября, чувствуешь высокий пафос уверенности в будущем, уверенность в том, что «за горами гора» лежит «солнечный край непочатый». И как манифест этого революционного, действительного оптимизма звучат написанные в первые годы молодой республики заключительные строки «Необычайного приключения...»: «Светить всегда, светить везде, до дней последних дождя, светить — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца».

«Всю свою звонкую силу поэта» отдавая рабочему классу, создающему новый мир, Маяковский не гнушался никакой «черной» работы, требу-

емой временем. Параллельно с раздумьями над поэмами и пьесой «Мистерия-буфф» поэт самоотверженно работает над «Окнами РОСТА» и над рекламной — заказами организаций крепнущей революционной промышленности и торговли. Он разъезжает по городам страны, читая стихи и беседуя о судьбах новой литературы с массовой аудиторией рабочих, крестьян, студентов, интеллигенции. Как полпред новой литературы нового социалистического общества он отправляется за рубеж.

И после каждой поездки в его творчестве возникают новые темы, новые циклы, насыщенные животрепещущей злобой дня, волнующей людей.

Как апофеоз утверждения великой преобразующей силы Октября звучали, звучат и будут звучать в веках такие поэмы Маяковского, как «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», его бессмертные стихи: «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Стихи о советском паспорте».

Из этих произведений, из заграничных циклов Маяковский предстает перед нами как художник нового склада, нового социалистического общества, сочетающий в себе широкий пролетарский интернационализм с глубоким и сильным чувством любви к родной стране, родному народу.

Всего сорока лет отделяют нас от дня ухода Маяковского из жизни. Но свежо и ново

звучат его стихи для нашего современника — внука первых читателей поэта. Доказательство тому — невиданные тиражи его книг, перевалившие за пятьдесят миллионов экземпляров, на языках всех народов Советского Союза.

До сих пор не сходят со сцен советских театров пьесы «Клоп» и «Баня».

До сих пор Маяковский — живой участник всех современных литературных дискуссий, пример бескомпромиссной преданности литературе.

Огромный творческий опыт Маяковского — достояние всех поколений русских советских поэтов и поэтов всех братских литератур народов Советского Союза.

И далеко за пределы родины распространилось влияние поэзии Маяковского: на языки европейских народов и многих народов других континентов переведены его произведения.

В числе его соратников и поэтических спутников по праву стоят имена Луи Арагона, Пабла Неруды, Назыма Хикмета и Витязева Незвала, Бертольта Брехта и Иоханнеса Бехера, Николы Вацарова и Владислава Броневского.

Восьмидесятилетие со дня рождения Маяковского торжественно отмечают не только в Советской стране, но и во многих странах земного шара. Этот юбилей — еще одно проявление великой любви народов к певцу революции и социалистического строительства, основоположнику социалистического реализма в советской поэзии.

Алексей СУРКОВ.
(АПН).

ВСТРЕЧА

Мне видится с тобой не приходилось. Я по стихам с тобой лишь знаком. Но что б со мною в жизни ни случилось, Я гостем прихожу к тебе в твой дом.

Мне кажется, что здесь я был когда-то. Вот лестница. Вот коридор. А вот та комната, где — громкий и кудлатый — Ты отбивал клинки своих острот. Портрет: лицо с открытым поворотом. Чернышница. Массивное перо. Наверное, вдруг не выходит что-то: Неточно это, это вот — старо.

Сейчас бы поговорить с тобой: Спрошу. Ты мне ответишь. Вновь спрошу... Но вот я слышу стих большого боя И тем стихом, как воздухом, дышу.

И нет уже знакомого портрета, И нету стен, нет твоего стола, И шири раздвигаются. Поэту Сама земля становится мала. И я стою, стиху с восторгом внемя. Взлетаю строк. И полет их крут...

Да, да, готовы мы за эту землю На смерть, на светлый праздник и на труд. Но снова тиня, нас влечет в обстановку Твоей квартиры. За окошком — рань.

Наверное, умчал в командировку? Куда? В Ростов? В Уфу? Или в Казань? Вот куртка на гвозде висит, готова к любой дороге.

Ты будто вышел только что и снова Войдешь — большой и молодой — сейчас. Вот трость. Лишь на мгновение прислониться Ты дал ей перед выходом своим. Стук этой трости до сих пор слышна.

Хранить вела, в тулуким мостовым. Законов смерти нет в мире железней, Но ты живешь. Во мне твоя строка. Ты песни пел, не под такие песни. Которым жить не годы: а века.

Перевод В. МАКСИМОВА.

«МИСТЕРИЯ-БУФФ» — В КАЗАНИ

«Мистерия-буфф» Маяковского получила славу первой советской пьесы. После успеха ее в столице в 1923 году она была поставлена на трех сценах Казани. Редчайший случай в практике периферийного театра!

4 ноября в Народном доме железнодорожников казанская театральная труппа показала премьеру «Мистерии-буфф» в

постановке режиссера Б. Симолина и в оформлении К. Чеботарева. Местный газетный рецензент М. Симский писал о спектакле: «Здесь все стремительно, ярко и шумно... И от начала до конца все здесь коллективно, является плодом долгой совместной работы. Сила чувствуется в ситности рабочей группы, в ее энергии, даже в сомнениях. Зритель чувствует, что

пролетариат борется с величайшим напряжением сил, борется не с несуществующими препятствиями, а с могучими, подчас жуткими противниками...». Свыше 20 раз сыграла труппа пьесу Маяковского в разных помещениях Казани, показав ее тысячам зрителей.

6 ноября состоялась вторая премьера «Мистерии-буфф», на этот раз в Большом театре

(режиссер З. Славянова, художник П. Бенков). Тот же М. Симский на этот раз дал постановке неодобрительный отзыв: «Относительно удачны лишь первые две картины... С третьей картины спектакль определенно неудачен: группа рабочих анимация, разрозненна, лишена энергии и напористости... Стремления — всеокружающего, неудержимого — пролетариев к обетованной зем-

ле зритель не чувствовал. Неудача спектакля заключалась в желании сочетать старые театральные приемы с внешне воспринятыми новыми театральными исканиями».

6 ноября показал «Мистерия-буфф» и театр в помещении Рабочего дворца в Заречье. Длительная подготовка спектакля силами молодежи положительно сказалась на его качестве. Рабочие охотно по-

сещали представления пьесы. Обращение к первой советской пьесе, написанной талантливейшим поэтом, не прошло безрезультатно для казанской сцены. Русская труппа, по старинке работавшая в Большом театре, осознала необходимость поиска новых средств сценической выразительности и обновления репертуара.

А. ИВАНОВ.
Театровед.

ГРАЖДДАНИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

бывших поэта революции в дни его пребывания в Казани сорок шесть лет тому назад.

Помню, стоял морозный январь 1927 года. На улицах Казани афиши с крупными буквами: Маяковский. Больше всех радуется молодой Кутуй, поэт-трибун нашей молодости и один из первых переводчиков «Левого марша». Радует, как поэтическому празднику, Такташ, который только вчера печатал в газете «Кызыл Татарстан» свои новые стихи о красоте наших дней. Казалось, радуется и сама природа. Солнце совсем не по-зимнему греет...

В своих воспоминаниях Т. И. Лавут, сопровождавший в те годы Маяковского в его поездке по стране, пишет:

«В Казани, к счастью, мороз значительно ослабел. Настроение заметно поднялось: билеты на оба вечера расходовали в один день. Оперный театр осажден — толпа катастрофически разрастается... Студенты требовали входных билетов, и дирекции пришлось согласиться. Толпа хлынула в театр. Стаклянная резная дверь разбита. Студенты пробрались даже в оркестр...»

Пора начинать, а Маяковского нет. Странно и на него не похоже!

Догадавшись, что он не может попасть на свой собственный вечер, я вызываю к милиции. Его извлекают из толпы уже изрядно помятого. Но он приятно возбужден. Нашлись «энтузиасты», которые проникли и под сцену. Их удаляют. Маяковский уговаривает оставить их... «Зайчики», топча и крича, взмыли из подземелья в небеса. Казалось, рушатся лестницы: втиснулись меж сидящих, заполнили все пространство, нависли с третьего яруса, того и гляди, грохнутся эти человечки гроздя вниз на партер...

Маяковскому долго не давали начать. Буря аплодисментов, которую не могли остановить его поднятая рука, ни призывы...

Конечно, в буре этих аплодисментов были и мои с Кутуем звонкие до боли хлопки. И вот Маяковский выступает, или, как он любил говорить в таких случаях, работает.

Со сцены в переполненный зал сыплются стихи, жгучие строки поэта-агитатора: Университет —

горделивость Казани, и стены его и донны

хранят любовнейшее воспоминание о великом своем гражданине...

Воодушевленный мощной подержкой аудитории, поэт без устали читает и читает. Мы, затеив дыхание, слушаем стихотворение «Сергею Есенину». Напряженная тишина. Но вот поэт с пафосом произносит:

Надо жизнь сначала переделать, переделав — можно воспевать...

— и остальные строки стихотворения уже тонут в непрекращающихся аплодисментах.

Слушаем новое стихотворение «Товарищу Нетте — пароходу и человеку». Я сижу рядом с Кутуем, и мы оба ощущаем какой-то порыв молодости, желание тут же что-то творить. Особенно волнуется молодой Кутуй: «Я зайду, обязательно зайду к нему и прочту «Левый марш» по-татарски. И он этого добился. Вспомните стихотворение Маяковского «Казань»:

Входит татарин: Я на татарском вам прочитаю

«Левый марш». Этим татарин и был Адель Кутуй.

Я, тогда молодой, начинающий татарский писатель, был буквально потрясен публицистическим жаром выступления большого поэта, его оперативностью, близкой к газетной. Пожалуй, это впечатление во многом определило мою дальнейшую работу как писателя-газетчика, публициста.

Трудно, да, пожалуй, невозможно в газетной статье рассказать все об этом памятном вечере, о многочисленных записках слушателей и остротных ответах поэта. Более подробно я рассказал об этом в своей книге «Незабываемые встречи», выпущенной Таткиноиздатом в этом году. Но об одной записке хочется вспомнить. Автор ее язвительно писал о том, что вот, мол, Владимир Владимирович, вы в Казани выступали и в 1913 году, тогда, как и сегодня, говорили одно и то же, не растете. Подписи: «Студент».

Маяковский громко огласил записку, а затем, помолчав минуту, будто сочувствуя кому-то, сказал примерно следующее: «Что же, товарищи, бывает! Не растет человек. Сколько времени прошло с 1913 года, а он все еще студент...»

Тут вспыхнул такой хохот, что, наверное, автор этой записки, если он жив и здравствует, и сейчас его помнит.

На другой день нас, молодых — Аделя Кутуй, Ризу Ишмура, Сагита Атиша, Хасана Туфанова и автора этих строк пригласил на чашку чая близкий друг Маяковского Б. Н. Симолин, заведовавший в те годы учебной частью Татарского театрального техникума. За чаем шла непринужденная и увлекательная беседа. Вполне естественно, тамадой беседы был Маяковский.

Вот и сегодня, в день своего 80-летия, стоит Маяковский перед взором татарских писателей, как самый любимый поэт, как тамада нашего литературного круга.

Габдрахман МИНСКИЙ.
Писатель.